

Игорь Владимирович Мацевский – композитор,
доктор искусствоведения, профессор, заведующий сектором
инструментоведения Российского института истории искусств,
профессор кафедры музыки финно-угорских народов
Петрозаводской государственной консерватории
имени А. К. Глазунова, академик РАЕН и МАИ ООН,
заслуженный деятель искусств Украины и Польши
(Санкт-Петербург, Россия),
ihormcw@mail.ru

Igor V. Matsiyevsky – composer,
Doctor of Art Criticism, Professor, Head of Organology Sector
at the Russian Institute of Art History, Professor at the Finno-Ugric
Music Department of the Petrozavodsk State Glazunov Conservatoire,
member of the Russian Academy of Natural Sciences
and the International Informatization Academy,
Honored Artist of Ukraine and Poland
(St. Petersburg, Russian Federation),
ihormcw@mail.ru

УДК 781.7 DOI 10.61908/2413-0486.2017.10.2.60-74

ВКЛАД П. И. ЧИСТАЛЁВА В СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТРУМЕНТОВЕДЕНИЯ И ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ

PROMETEJ CHISTALEV'S CONTRIBUTION TO THE ESTABLISHMENT OF DOMESTIC ORGANOLOGY AND FINNO-UGRIC STUDIES

Аннотация

В статье дано обобщение вклада П. И. Чисталёва в становление коми и развитие российского и финно-угорского этноинструментоведения второй половины XX века. Отмечены его достижения в сфере научной документации (полевого исследования, аудиофиксации и транскрипции инструментальной музыки, создания стационарных исследовательских баз) явлений традиционной музыкальной культуры; изучения народной инструментоведческой терминологии, традиционной теории и эстетики инструментализма; вклад в изучение исторических пластов и этапов эволюции музыкального инструментария пермско-финских народов и проектирование системно-этнофонической методологии. Поставлены задачи изучения, научной

реконструкции и широкого внедрения в современную исследовательскую и педагогическую практику творческого наследия П. Чисталёва.

Abstract

The article generalizes Prometej Chistalev's contribution to the establishment of Komi and the development of Russian and Finno-Ugric ethno-organology during the second half of the 20th century. The paper notes Chistalev's attainments in scientific documentation (field research, field recording and transcription of instrumental music, arranging steady research stations), phenomena of traditional musical culture; studying folk organological terminology, traditional theory and aesthetics of instrumentalism; contribution to the study of historical layers and evolution stages of musical instrumentarium of the Permian-Finnic peoples and establishing systematic ethnophonic methodology. The article sets goals to study, scientifically reconstruct and mainstream into the present-day research and teaching practices of the Chistalev's creative heritage.

Ключевые слова: инструментароведение, историко-морфологический подход, Коми, органология, пермско-финские и финно-угорские народы, системно-этнофонический метод, традиционная теория, терминология и эстетика музыки, транскрипция, универсальная классификация музыкальных инструментов Хорнбостеля-Закса

Keywords: study of instruments, historic-morphological approach, Komi, organology, Perm-Finnish and Finno-Ugric peoples, systematic ethnophonic method, traditional theory, terminology and aesthetics of music, transcription, Hornbostel-Sachs musical instrument classification

Значительному увеличению количества и повышению качества инструментароведческих исследований в последней трети XX века отечественная наука немало обязана плодотворной деятельности выдающегося учёного-музыканта, первооткрывателя и энциклопедиста, заслуженного работника культуры России, лауреата Государственной премии Коми АССР Прометея Ионовича Чисталёва. Его достижения в области изучения народных

инструментов, инструментальной музыки коми и шире – музыкального финно-угроведения – в значительной мере были обусловлены не только его огромным энтузиазмом, преданностью избранной исследовательской области, постоянной погружённостью в её проблематику, подлинным научным и гражданским патриотизмом, но и весьма разнообразным кругом творческих интересов учёного, постоянно расширяющейся сферой его профессиональных знаний, умений и навыков.

Талантливый музыкант, исполнитель, композитор, организатор музыкальной жизни в Республике Коми, один из вдохновителей и создателей Государственного ансамбля песни и танца Республики Коми, неутомимый полевик-собиратель образцов музыкального и поэтического фольклора, мифологии, а также традиционных обрядов и ритуалов (продолживший в этом плане славный опыт своего выдающегося предшественника А. С. Сидорова¹), Прометей Ионович получил ещё и высшее физико-математическое образование². Всё это сыграло существенную роль в его инструментоведческой деятельности, в определении направлений творческого поиска и воистину бесспорных научных открытиях.

П. И. Чисталёв³

Для открытий в области инструментоведения музыканту и учёному понадобилась известная *творческая смелость*. Впервые осуществлённый в советской органологии 30-х годов XX века С. Л. Гинзбургом⁴ скромный опыт

¹ См.: Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народов Коми. Л., 1928.

² В Педагогическом институте Сыктывкара, ныне университете.

³ Использована фотография с интернет-сайта: URL: http://foto11.com/komi/art/singing/osipov_book51.php

⁴ См.: Гинзбург С. Л. Основные вопросы сравнительного изучения музыкальных инструментов индейцев Южной Америки // Музыкознание. Т. 4. Л., 1928.

систематизации инструментария согласно наиболее основательной, снискавшей всемирное признание *Универсальной классификации музыкальных инструментов Хорнбостеля-Закса*⁵ в советской научной практике по идеологическим соображениям в дальнейшие десятилетия не получил распространения. Прометей Чисталёв *первым* после многих десятилетий в советском инструментоведении нарушил этот запрет и *последовательно опирался* на названную классификацию – задолго до её публикации в русском переводе [5] – в своих описаниях и систематизации традиционных музыкальных инструментов коми [6, 7, 8, 9, 10]⁶. В этом за ним последовал эстонский этномузыковед Г. Тампере, а позже и многие другие отечественные учёные, в том числе финно-угроведы⁷.

Более того, развивая идеи так называемого *материалистического подхода* к исследованию явлений *народного музыкального искусства*, выдвинутые ещё в 1930-х годах В. М. Беляевым⁸, Чисталёв тщательно изучает

⁵ См.: Hornbostel E. M. von und Sachs C. Systematik der Musikinstrumente // Zeitschrift für Ethnologie. 1914. № 4–5. S. 553–590.

⁶ Разумеется, это произошло под известным влиянием научного руководителя его кандидатской диссертации [6], выдающегося российского учёного-этномузыковеда Е. В. Гиппиуса. См.: Инструментоведческое наследие Е. В. Гиппиуса и современная наука: сб. ст. СПб.: РИИИ, 2003. 172 с.

⁷ См.: Tampere H. Eesti rahvapillid ja rahvatansuud. Tallinn: Eesti Raamat, 1975. 224 lk.; Зелинский Р. Ф. Башкирская народная инструментальная музыка. Уфа, 2003; Малькеева А. Тюркские музыкальные инструменты в средневековых персоязычных источниках по музыке (к вопросу об идентификации) // Музыка тюркского мира / ред. А. Мухамбетова и др. Алматы: Дайк-пресс, 2009. С. 32–40; Материалы к «Энциклопедии музыкальных инструментов народов мира». Вып. 1–2. СПб., 1998, 2003; Мациевский И. В. Глава 5. Музыкальные инструменты // Народное музыкальное творчество / отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2005. С. 300–302; Мациевский И. В. Народная инструментальная музыка как феномен культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 520 с.; Мациевский И. В. Основные проблемы и аспекты изучения народных музыкальных инструментов и инструментальной музыки // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М.: Музыка, 1987. Ч. 1. С. 6–38; Нигмедзянов М. Татарская народная музыка. Казань, 2003; Бояркин Н. И. Феномен традиционного инструментального многоголосия (на материале мордовской музыки): дис. ... д-ра искусствоведения [Рукопись]. СПб., 1995. 38 с.; Герасимов О. М. Музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола: МКИ, 1996. С. 4–15; Тынурист И., Мулдма М. Эстонские народные музыкальные инструменты. Таллинн, 2002.

⁸ См.: Беляев В. М. Музыкальные инструменты народов СССР // Советская музыка. 1937. № 10–11; Беляев В. М. Музыкальные инструменты Узбекистана. М.: Музгиз, 1982. 131 с.;

строение и изготовление традиционных инструментов коми, производит их метрические обмеры, составляет чертежи (физико-математическое образование несомненно способствовало тому), и в этом плане становится одним из наиболее ярких и последовательных репрезентантов *историко-морфологического метода* в отечественной органологии [3, с. 33; 1, с. 87–108].

Весьма важным вкладом в отечественную науку явилось осуществлённое во многих работах Чисталёва стремление выявить *специфику народного инструментария в целостном контексте* традиционной культуры и истории этноса, функционировании инструментария в трудовом быту и обрядовой практике, в ритуальных, танцевальных, лирических жанрах инструментальной и вокально-инструментальной музыки [4; 6, 11, 12]. Весьма актуальной и новаторской для отечественной науки явилась предпринятая Чисталёвым попытка изучения строя, тембра, динамики и акустических особенностей инструментов коми не только в лабораторных условиях, но *в системе их реального функционирования, непосредственно при исполнении народными музыкантами* наигрышей из *традиционного репертуара* и в соответствующих ситуациях музицирования.

В связи с этим Чисталёв ставит во главу угла своей исследовательской работы *полевое, экспедиционное изучение* народной музыкальной традиции, значительное время посвящает многочисленным поездкам в различные регионы расселения народа коми – как в республике, так и далеко за её пределами, к различным локальным группам коми: зырян, пермяков, ижемцев и т. д.

Учёный непосредственно общается с *носителями народного искусства* в живом быту, *в реальных условиях* их жизнедеятельности, тщательно наблюдает и под руководством традиционных мастеров сам *принимает участие в процессе изготовления* музыкальных инструментов, выборе и обработке материала для них, настройке и *исполнительской апробации*.

Попутно фиксирует традиционную терминологию, эстетические и теоретико-методические высказывания как самих музыкантов, так и их нормативных, постоянных слушателей – реципиентов этнической музыкальной традиции [3, с. 35].

Выходец из сельской местности (он родился 27 февраля 1921 года в коми-зырянском поселке Ньючим), познавший традиционную культуру с детства, никогда не порывавший своих уз с ней, Чисталёв и в дальнейшей своей «столичной», творческой, академической жизни⁹ постоянно, если не реально, в поездке, то мысленно, «в поле», часто даже осознаёт себя в познаваемой им *художественной сфере* как её *субъект*: наблюдатель, участник, слушатель, творец. Все сделанные им музыкальные аудиозаписи¹⁰, многие из которых учёный тщательно нотировал, как и подробно зафиксированные беседы с носителями традиции, образцы инструментов хранились в создаваемой им коллекции, что открывало возможность их лабораторного изучения в стационарных условиях, и документировались.

Не случайно именно Чисталёв явился одним из первых отечественных этномузыкологов, осуществивших *комплексную инструментоведческую документацию* этнической традиции, позволяющую представить *целостную картину* народной инструментальной музыкальной культуры того или иного региона [3, с. 242–243]. Он же оказался и в числе пионеров *тематических инструментоведческих экспедиций*, посвящённых: а) выяснению традиций изготовления традиционного инструментария (это направление в отечественной науке наиболее последовательно и успешно продолжает В. Н. Мараев¹¹); б) географии его распространения [3, с. 243–244]; в) изучению быта, жизнедеятельности, творческой практики, функционирования народных

⁹ Он был преподавателем Сыктывкарского музыкального училища, старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми Филиала АН СССР, ныне Российской академии наук.

¹⁰ Большинство из них находится ныне в фондах Коми научного центра РАН.

¹¹ См.: Мараев В. Н. Построение генеалогии музыкального инструмента. Метод вычитания признаков // Ялкала: материалы научной конференции. СПб.: Ялкала, 1998. С. 3–16.

музыкантов и их взаимоотношений с окружающей средой; г) рассмотрению особенностей восприятия народной инструментальной музыки её постоянными слушателями [там же, с. 39–42].

Подробно изучая процессы изготовления музыкальных инструментов, обращаясь к проблемам *эргологии*, Чисталёв, на основании изучения способа изготовления, приходит к достаточно аргументированным утверждениям об *историко-типологических стадиях становления и эволюции* того или иного инструмента. Так, весьма убедительной представляется произведённая им типология стадияльных разновидностей хордофона коми – *сигудёк*.

К *древнейшим* учёный относит *сигудёк-кумли* – выдолбленную из твёрдого нароста деревянную чашу, поверх которой располагаются четыре скрученные из конского волоса струны, натягиваемые с помощью рукояток; здесь же *сигудёк-вор* в виде продолговатого выдолбленного корытца с двумя плоскими рукоятками, поверх которого натягивают волосяные струны разной толщины; струнные подставки у обоих инструментов представлены в виде одной неподвижной и нескольких передвижных для каждой струны, а также *брунган-лагун* с резонатором в виде небольшого бочонка.

Второй этап развития сигудка связан непосредственно с направленностью эргологического процесса на изготовление собственного музыкального инструмента. Его представляет *сигудёк-пёв* – волосяной гудок с резонатором в виде специально выструганной доски.

Третий – связан с изготовлением сигудков с долблёным корпусом, имеющих два резонаторных отверстия в виде полудужек, врезанную шейку-рукоятку, волосяные или металлические (начиная с опытов мастера А. Шомыслова) струны, – то есть инструментов, относящихся по систематике Хорнбостеля-Закса к составным хордофонам вида шейковых лютней.

Четвертый этап эволюции репрезентирует *сигудёк* – инструмент с уже полностью составным корпусом: берёзовой шейкой, привязанной к обечайке полоской из лыка; верхней и нижней деками из еловой щепы, притянутых к

выгнутой обечайке, с дополнительным прямоугольным резонаторным отверстием на верхней деке; головчатой коробочкой, являющейся продолжением шейки и имеющей три колковых отверстия. При этом во всех стадияльных разновидностях *сигудка*, согласно Чисталёву, эргология этого хордофона даёт основания полагать о достаточно давнем времени происхождения *сигудка* как одного из древнейших видов струнных инструментов. Лишь позже появляются *сигудки* с жестяным корпусом [12].

Следуя таким путем, Чисталёв подходит к современному пониманию музыкального инструмента как *одновременно феномена материальной и духовной культуры*. Ученый серьёзно обращается в этой связи к выявлению роли *личности* в традиционной культуре, значения *специалиста* – носителя этнической традиции, музыканта-исполнителя и мастера-изготовителя музыкальных инструментов¹², и в этом плане делает важный шаг в становлении *музыкальной этнопсихологии* как особой сферы этномузыкознания [2, с. 175–186].

Не ограничиваясь даже десятками отдельных экспедиций, но развивая положение В. Л. Гошовского об опоре этноискусствоведческого изучения народной культуры на *конкретные фольклорные базы*, где в течение ряда лет исследователь проводит полевую работу и где бы он «мог ощутить жизнь музыкальной традиции во всей ее полноте» [3, с. 39], Чисталёв осуществляет идею постоянного, *перманентного исследования музыкальной традиции* того или иного этнографического региона [там же, с. 39, 245] и последовательно изучает её в течение своих многолетних научных поисков.

Огромное значение как для музыкального финно-угроведения, так и для самых разных направлений этноискусствознания имеют фиксация и описание учёным явлений *трудовой музыки* пермских народов, игры на щелевых

¹² См.: Маціеўскі І. Музычныя спецыялісты традыцыйнай культуры (псіхалага-культуралагічная праблематыка // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання. Мінск: БУКМ, 2011. С. 11–14; Ромодин А. В. Человек творящий. Музыкант в традиционной культуре. СПб., 2009.

флейтах и манках на рябчика, наигрышей для отпугивания от стада диких животных на билингвальных шалмеях, охранительных звуковых композиций на трещотках [6; 3, с. 46].

Впервые в инструментоведении был представлен составленный Чисталёвым основательный список *сигнальных* музыкальных инструментов; только на материале традиции коми это: *сюмёд буксан*, *сюмёд пöлян* (берестяные гобои); *сюр дуда* (берестяной кларнет); ударяемые и соударяемые идиофоны *пу барабан*, *пу бедъяс*, *тотшкöдчан*, *сярган* [11, с. 51].

Наряду с *оповещающими* сигнальными наигрышами учёный фиксирует внимание на проявлениях в инструментализме коми явлений *охранительной магии*, например, звучания колокольчиков во время обрядового обхода детьми вокруг бани при ритуальном свадебном мытье¹³, на *сезонность употребления* музыкальных инструментов (в традиции коми – до Ильина дня, то есть времени созревания хлебов, когда не разрешали играть на духовых инструментах, чтобы не навлечь непогоду [там же, с. 55]). В этом же кругу и внимание учёного к зафиксированным его предшественниками-этнографами фактам *охранительного функционирования эоловых инструментов*, в том числе металлических подвесок – своего рода «изгороди от злых сил» – для оберега стада, дома, селения, будущей семьи, покоя ушедшей душе¹⁴.

Существенное значение для изучения функциональной стороны традиционного искусства, для развития органологии, как и других культурологических дисциплин, имеет и фиксация Чисталёвым *половозрастной стратификации* музыкального инструментария, выявление специфически *детских звуковых орудий* (например, флейт *чипсан гум*, *пöлян гум*), *женских*, в том числе *архаичных инструментов* (*пöляннес*, *куима-чипсан*) и создаваемых из них типовых инструментальных ансамблей [6; 3, с. 141, 143].

¹³ Согласно нашим наблюдениям, подобная традиция имеет место как в финно-угорских, например, у вепсов, так и в русских традициях южного Приладожья.

¹⁴ См.: Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народов Коми. Л., 1928. С. 129–130.

Уникальным в контексте выявления *исторических путей развития* функционирования инструментальной музыки представляется и зафиксированный уже в XX веке и произведённый учёным реконструктивный анализ *процесса переосмысления синкретических по функции прикладных звуковых комплексов в собственно художественные явления* музыки. Коми-зыряне издавна использовали при изготовлении валенок в качестве приспособления для трепания шерсти *летчан вудж* – длинный (около трёх метров) шест с туго натянутой жильной струной. Ещё в 10–20-е годы XX века изготовители валенок под её низкий, гудящий тон пели как во время работы, так и на гуляньях, прогулках на санях. Постепенно этот монохорд (правда, струну уже не защищают, а ударяют обычной, небольшой, которая есть под руками, а затем и специально приспособленной для этого палочкой) превращается в полихорд, многострунный *брунган*, ставший одним из наиболее *репрезентативных, знаковых музыкальных инструментов* народа коми – инструментов, сохранивших при этом акустическую природу и тембровую палитру своего предка – *универсального орудия* неразрывной по функции трудовой и художественной практики [11; 3, с. 136].

Важным вкладом Чисталёва в коми и российское инструментоведение явились *последовательная аудиофиксация* и весьма подробные *нотные транскрипции* произведений *традиционной инструментальной музыки*. Благодаря такой направленной работе учёный выявляет ряд существенных *взаимосвязей* между спецификой *инструментария* и *становлением художественного текста*, музыкальной стилистикой, особенностями формообразования инструментальных наигрышей и даже делает успешные попытки реконструировать время по автору – *эпохи становления* определённых жанров традиционного музыкального искусства.

Тем самым Чисталёв оказывается в кругу передовых отечественных и западноевропейских учёных (А. Хыбиньского, К. В. Квитки, Г.-Г. Дрегера, Г. И. Благодатова, Ц. Рихтмана, А. Вижинтаса), сформировавших *музыкально-*

стилистический подход в инструментоведении и предвосхитивших становление *системно-этнофонического* (Л. Ленга, Ф. Кароматова, Ю. Страйнара) исследовательского *метода в мировой органологии* [1, с. 87–108; 3; 4]¹⁵.

В этом плане исследования Чисталёва по сути открыли и подняли на высокий научный уровень инструментоведческую тематику и в отечественном *музыкальном финно-угроведении*, в значительной мере повлияв на становление органологических трудов его лидеров И. Тынуриста в области эстонского инструментария¹⁶, а также О. М. Герасимова в сфере марийской и Н. И. Бояркина – мордовской традиционных культур, видных исследователей, до этого занимавшихся исключительно народно-песенным искусством¹⁷. То же можно сказать о тюрковедении¹⁸.

К сожалению, при публикации монографии Чисталёва «Коми народные музыкальные инструменты» [7] из-за издательских и организационно-финансовых проблем превосходная нотная часть его диссертации [6] оказалась упущенной. Материал этот ждёт своего полноценного обнародования. Более того, в осуществлённых нотациях (тоже, возможно, из-за ограничений объёма)

¹⁵ См.: Альгирдас Вижинтас и актуальные проблемы инструментоведения // Традиционные музыкальные инструменты в современной культуре: сб. ст. СПб.: РИИИ, 1999. С. 12–30; Зелинский Р. Ф. Башкирская народная инструментальная музыка. Уфа, 2003; Leng L. L'udová hudba Zubajovcov // Musicologica slovac. III. Bratislava, 1971. S. 25–140; Leng L. Slovenské l'udové hudobné nástroje. Bratislava: DAV, 1967. 304 s.; Sachs C. Handbuch der Musikinstrumentenkunde. Leipzig, 1930; Sachs C. Reallexikon der Musikinstrumente. Berlin, 1913; Sárosi B. Die Volksmusikinstrumente Ungarns. Leipzig: SIMP, 1967. 318 s.

¹⁶ См.: Тынурист И., Мулдма М. Эстонские народные музыкальные инструменты. Таллинн, 2002.

¹⁷ См.: Бояркин Н. И. Феномен традиционного инструментального многоголосия (на материале мордовской музыки): дис. ... д-ра искусствоведения [Рукопись]. СПб., 1995. 38 с.; Герасимов О. М. Музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола: МКИ, 1996. С. 4–15.

¹⁸ См.: Зелинский Р. Ф. Башкирская народная инструментальная музыка. Уфа, 2003. Малькеева А. Тюркские музыкальные инструменты в средневековых персоязычных источниках по музыке (к вопросу об идентификации) // Музыка тюркского мира / ред. А. Мухамбетова и др. Алматы: Дайк-пресс, 2009. С. 32–40.; Нигмедзянов М. Татарская народная музыка. Казань, 2003.

даны лишь краткие наигрыши, отдельные темы, строфы, фрагменты более развёрнутых композиций. Но в тщательно сохраняющихся (в фондах ИЯЛИ Коми филиала РАН) звукозаписях Чисталёва представлены *целостные тексты*, в том числе *крупных форм* традиционной инструментальной музыки. Нотировать и издать их в полном объёме – важная и почётная задача учеников и последователей Чисталёва как в Коми, других финно-угорских республиках, странах и регионах, так и во всем мире.

Важным вкладом в становление отечественного *когнитивного искусствознания* явились активная фиксация и анализ учёным весьма значимой для понимания природы традиционного искусства *народной терминологии*¹⁹ и, в связи с этим, выявление *теоретических представлений* народных музыкантов коми о своём искусстве. Здесь и характерные *названия инструментов* (например, *кык юра пöлян* – букв. *двухголовая дудка* – в отношении двухствольной флейты), *исполнительских приемов* и *штрихов* (*нюжйöдлöмön* – букв. *протяжно* – легато; *тювкнитöмön* – *толчками* – стаккато), *ансамблевых партий* и соответствующих разновидностей инструментов в ансамбле (у коми-пермяков: *кыз гöлöса* – низкоголосая, *воснит гöлöса* – высокоголосая), *функции* и *порядок вступления* голосов (*ыджыдсянь заводитöй* – *начинайте с большой*, *чалсянь босьтöй* – *берите с мизинца*, то есть наименьшей трубочки-чипсана из комплекта), и обозначения *элементов композиции* (*султан пöлян* – *завершающая дудка*, то есть та флейта, на которой играют конечный тон). Учёный обращает внимание и на *специальные пометки* на инструменте, указывающие коми чипсанисту (подобно литовскому скудутисту: их подобие и аналогии с обнаруженными в археологических раскопках в районе озера Байкал костяными флейтами – серьёзное свидетельство общих этноисторических субстратов у балтов и финно-угров) на нужную флейту и соответствующую партию в ансамбле [6; 3, с. 209–210].

¹⁹ См.: Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки: сб. науч. ст. М., 1990.

В этом же контексте следует обратить внимание на важные для понимания исторических процессов становления традиционного искусства зафиксированные Чисталёвым *зооморфические* термины, которыми традиционные мастера коми (как и их литовские, хантыйские коллеги) уподобляют звуки *куима-чипсанов* (тройной флейты) голосам клеста, лебедя, других птиц. Характерна и *числовая символика*: трёхствольный свисток, трёхструнные шейковые лютни и т. п. [3, с. 228]. Наряду с этим обращает на себя внимание фиксация исследователем *звукоподражательных наигрышей*, где имитативная функция отразилась даже в названиях инструментов, например: *кӧк кӧкӧм моз* – как кукушка поёт [11, с. 91]. В том же контексте можно рассматривать и названный *сьола чипсан* – дудка (манок) *на рябчика* [3, с. 210].

Существенным также представляется внимание учёного к характерным для этнической культуры традициям *хранения инструментов*. Ансамблевые куима-чипсаны хранятся у ведущей исполнительницы, лидера группы; инструменты она складывает попарно (чтобы не сместить общий строй ансамбля), заворачивает в мягкую тряпочку и держит в прохладном месте (чтобы не пересохли, не потрескались и держали нужную звуковысотность); иногда даже для хранения таких инструментов оставляли специальные охлажденные места в пристроенном к избе сарае [6; 3, с. 231].

Чем дальше развивается исследовательская область, становлению которой посвятил свою жизнь Прометей Ионович, тем явственнее осознается его выдающаяся роль в развитии отечественной науки.

И вовсе кажется не случайным, но пророческим решение его родителей, сельских учителей, дать ему при рождении такое необычное для традиции коми имя.

Чисталёв и впрямь как мифологический Прометей «разжѣг огонь» отечественному инструментоведению, открыл и осветил новые пути его

творческих поисков и достойных свершений. Развернуть и реализовать их – задача его последователей в его республике, в России и во всем мире.

Литература

1. Мацневский И. В. В пространстве музыки. Т. 1. СПб., 2011. С. 87–108 (методология), 189–192 (инструментоведческая терминология).
2. Мацневский И. В. В пространстве музыки. Т. 2. СПб., 2013. 296 с.
3. Мацневский И. В. Народная инструментальная музыка как феномен культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 520 с.
4. Мацневский И. В. Основные проблемы и аспекты изучения народных музыкальных инструментов и инструментальной музыки // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М.: Музыка, 1987. Ч. 1. С. 6–38.
5. Хорнбостель Э. М. и Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1987. С. 229–261.
6. Чисталёв П. И. Коми народные музыкальные инструменты: дис. ... канд. иск. Л.: ЛГИТМиК, 1974. 172 с.
7. Чисталёв П. И. Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 104 с.
8. Чисталёв П. И. Коми сугудёк и русский гудок // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин: Ээсти раамат, 1980. С. 38–48.
9. Чисталёв П. И. Музыкальные инструменты пермских народов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1980. 36 с.
10. Чисталёв П. И. О закономерности строя и звукоряда коми народных музыкальных инструментов // Традиционная культура и быт народа Коми: Труды ИЯЛИ. № 20. Сыктывкар, 1978. С. 49–63.
11. Чисталёв П. И. О традиционном и современном бытовании коми народных музыкальных инструментов // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар: КФ АН СССР, 1978.
12. Чисталёв П. И. Сигудэк – струнный смычковый инструмент народа коми // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1988. С. 149–163.
13. Hornbostel E. M. von und Sachs C. Systematik der Musikinstrumente // Zeitschrift für Ethnologie. 1914. № 4–5. S. 553–590.
14. Tampere H. Eesti rahvapillid ja rahvatansuud. Tallinn: Eesti Raamat, 1975. 224 lk.

References

1. Macievskij I. V. *V prostranstve muzyki. T. 1* [In the space of music. Volume 1]. St. Petersburg, 2011, pp. 87–108 (Methodology), pp. 189–192 (instrumental terminology).

2. Macievskij I. V. *V prostranstve muzyki. T. 2* [In the space of music. Volume 2]. St. Petersburg, 2013. 296 p.
3. Macievskij I. V. *Narodnaja instrumental'naja muzyka kak fenomen kul'tury* [Folk instrumental music as a culture phenomenon]. Almaty: Dajk-Press, 2007. 520 p.
4. Macievskij I. V. Osnovnye problemy i aspekty izuchenija narodnyh muzykal'nyh instrumentov i instrumental'noj muzyki [Main problems and aspects of studying folk musical instruments and instrumental music]. *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naja muzyka. Ch. 1* [Folk musical instruments and instrumental music. Part 1]. Moscow: Muzyka, 1987, pp. 6–38.
5. Hornbostel' Je. M. i Zaks K. Sistematika muzykal'nyh instrumentov [Systematics of musical instruments]. *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naja muzyka. Ch. 1* [Folk musical instruments and instrumental music. Part 1]. Moscow: Sov. kompozitor, 1987, pp. 229–261.
6. Chistalev P. I. *Komi narodnye muzykal'nye instrumenty: dis. ... kand. isk.* [Komi folk musical instruments: Thesis work... Ph.D.]. Leningrad: Leningrad State Institute for Theatre, Music and Cinema, 1974. 172 p.
7. Chistalev P. I. *Komi narodnye muzykal'nye instrumenty* [Komi folk musical instruments]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1984. 104 p.
8. Chistalev P. I. Komi sigudök i russkij gudok [Komi sigudek and Russian gudok]. *Finno-ugorskij muzykal'nyj fol'klor i vzaimosvjazi s sosednimi kul'turami* [Finno-Ugric musical folklore and interrelations with neighboring cultures]. Tallin: Jejesti raamat, 1980, pp. 38–48.
9. Chistalev P. I. *Muzykal'nye instrumenty permskih narodov* [Musical instruments of the Permian peoples]. Syktyvkar: Komi filial AN SSSR, 1980. 36 p.
10. Chistalev P. I. O zakonomernosti stroja i zvukorjada komi narodnyh muzykal'nyh instrumentov [On the regularity of scale and tone row of the Komi folk musical instruments]. *Tradicionnaja kul'tura i byt naroda Komi: Trudy IJaLI. № 20* [Traditional culture and way of life of the people of Komi: Works of the Institute of Language, Literature and Art No. 20]. Syktyvkar, 1978, pp. 49–63.
11. Chistalev P. I. O tradicionnom i sovremennom bytovanii komi narodnyh muzykal'nyh instrumentov [About traditional and modern existence of Komi national musical instruments]. *Tradicionnaja kul'tura i byt naroda komi* [Traditional culture and life of the people of Komi]. Syktyvkar: KF AN SSSR, 1978.
12. Chistalev P. I. Sigudjek – strunnyj smychkovyj instrument naroda komi [Sigudek – a stringed bow instrument of the Komi people]. *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naja muzyka. Ch. 2* [Folk musical instruments and instrumental music. Part 2]. Moscow: Sov. kompozitor, 1988, pp. 149–163.
13. Hornbostel E. M. von und Sachs C. Systematik der Musikinstrumente. *Zeitschrift für Ethnologie*. 1914, No. 4–5, pp. 553–590.
14. Tampere H. *Eesti rahvapillid ja rahvatansuud*. Tallinn: Eesti Raamat, 1975. 224 lk.